

Ювшаев Мавлек Сапьянович

преподаватель Гудермесского филиала
Махачкалинского экономического института
dom-hors@mail.ru

**ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ И СТРАТЕГИИ
ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Аннотация:

В статье рассматриваются стратегии воспроизводства молодежи на основе профессионально-ценностных ориентаций в условиях социальной неопределенности и риска современного российского общества. Приводится социологическое исследование, проведенное с целью изучения проблемы трансформации воспроизводства рабочих.

Ключевые слова:

индивидуализация, потребительское общество, массовая культура, социальная неопределенность, молодежь.

Yuvshaev Mavlek Sapyanovich

teacher Gudermes branch
Makhachkala Economic Institute
dom-hors@mail.ru

**INDIVIDUAL
PROFESSIONAL AND VALUE
ORIENTATION AND STRATEGY
REPRODUCTION OF YOUTH
UNCERTAINTY IN SOCIAL**

Summary:

The paper examines the strategies of reproduction youth by professional value orientations in the context of social uncertainty and risk of the modern Russian society. We present a case study carried out to study the problems of transformation of the reproduction of labor.

Keywords:

individualization, the consumer society, popular culture, social uncertainty, youth.

Современное общество все более индивидуализируется, что проявляется прежде всего в выходе из под контроля важнейших социальных явлений и процессов, связанных с трудом, производством и потреблением. Производство потребностей диктует нормы потребительского поведения. Как пишет З. Бауман, «именно потребностям приданы незаслуженный приоритет и роль иницирующей и ведущей силы, если дело касается оценки потенциальных возможностей общества», а «создание потребностей замещает сегодня нормативное регулирование», и «можно сказать, что большая часть населения интегрирована в современное общество в качестве потребителей, а не производителей», поэтому «постоянный диссонанс между “я хочу” и “я могу”, а точнее – между превышением желаемыми наличествующих возможностей их удовлетворения, становится ведущим принципом социализации на всех его «аналитических уровнях»: формировании собственного “я”, социальной интеграции и системного воспроизводства» [2, с. 85–86].

По нашему мнению, именно указанный диссонанс между «я хочу» и «я могу», разрыв между потребностями и возможностями их удовлетворения является источником социального напряжения, неопределенности и риска в условиях постмодернистского, потребительского общества. Само существование такого общества поддерживается во многом путем навязывания массам культа потребления, определенных потребностей и образцов потребительского поведения через средства массовой информации. Такое культивирование потребительства жизненно важно для воспроизводства этого общества как системы. Именно такие паттерны поведения принуждают, по словам Н. Лумана, к определенным коммуникационным актам, и данное общество только таким способом может выступать как довлеющая в себе и самовоспроизводящая себя система тотальной коммуникации, в которой потребительство несет в себе систему потребительских кодов, организующих и воспроизводящих реализацию потребительских коммуникаций. И здесь господствует свой медиум смысла, проявляющийся в отдельном человеке манерой одеваться, своими способами общения с окружающими особенностями, речевыми коммуникациями, что несет с собой страх, неопределенность, проявляющиеся в лихорадочной погоне за распространяемыми стандартами, в стремлении не отстать от моды и не выглядеть «белой вороной» потребительского общества. Но это связано также и с финансовой стороной дела, экономическими возможностями индивида контролировать свою судьбу, что ведет к возрастанию неопределенности существования

К сожалению, жизнь потребителя в рискогенном, полном неопределенности и непредсказуемости общества, нестабильна и уязвима из-за динамики социальных перемен, которые ставят перед проблемой постоянного выбора, разумность которого находится под действием постоянного сомнения, неуверенности и страха потерять работу, друзей, вызвав тем самым не сочувствие, а презрение. Страх, неуверенность, неопределенность рождаются в душе потребителя и тогда, когда быстро выходит из моды вещь, которая была объектом желаний и стратегической целью жизнедеятельности, с чем связана потеря привычного образа жизни, искусственно созданного имиджа. Поэтому угроза и риски безработицы, грозящего неравенства, надвигающейся безопасности легче переносятся на фоне проблем уже существующего «андеркласса». «Можно не без некоторого цинизма сказать, – пишет З. Бауман, – что наше душевное равновесие, наше примирение с жизнью, да и любое удовольствие, получаемое от жизни, с которой мы примирились, – все это психологически зависит от страданий и нищеты бедных изгоев. И чем несчастней и мучительней их судьбы, тем менее несчастными чувствуем себя мы сами» [2, с. 97].

В условиях советской России 60-х – 70-х годов начался процесс медленной эволюции в сторону общества массового потребления. Этот процесс сопровождался, если можно так выразиться, «массовизацией индивидуализации», и, в конечном счете, советская общественная система сформировала не нового человека – строителя коммунистического общества, а создала свой образец *массового индивида* с определенным уровнем развития способностей, но самое главное – потребностей, реализовать которые в условиях авторитаризма и государственного тотального регулирования экономики не представлялось возможным. Для этого необходим был другой тип социокультурного воспроизводства, который стал востребованным в условиях конца XX столетия. Поэтому, когда среди причин радикальных социальных изменений в России называют технические, экономические, политические, военно-стратегические, забывают главную причину, состоящую в том, что «*советский режим не смог найти достойного ответа на вызов новой культурной эпохи – эры информационных, компьютерных технологий, глобальной коммуникации, формирующейся интернациональной массовой культурой*».

Однако Россия – многомерный социум, содержание которого не может быть полностью охвачено одной какой-либо социокультурной характеристикой. В российском обществе наблюдается регулятивное действие традиционных, модернистских и постмодернистских культурных оснований, рождающих различные ментальные, ценностные и потребительские стандарты. Поэтому переход России на новый путь социокультурного воспроизводства не стал окончательным триумфом потребительского общества в сознании большинства. Скорее всего, массовое потребительское общество и массовая культура стали социокультурной виртуальной реальностью, благодаря СМИ не превратившись в регулятивный элемент сознания и поведения всего населения. В этом отношении показательно мнение А.В. Захарова, считающего, что преимущества новейшей компьютерной культуры, включая современные потребительские и культурно-образовательные стандарты, являющиеся достоянием узкого круга лиц, обитающих в крупнейших городах, но для большинства населения России эти новшества остаются малодоступными и по ряду причин неприемлемыми, а реклама в большинстве случаев не действует по своему прямому назначению – нести потребителю полезную информацию о товарах и услугах, потому что те образцы коммерческой рекламы, которые создаются западными менеджерами в расчете на «среднего» потребителя, в нашем обществе по-прежнему воспринимаются как символы и знаки *отличия*, как признаки *элитарности*. «Но в таком качестве они не выполняют своей «полезной» психологической функции – быть своеобразным средством общественной терапии, сглаживающим противоречия социального неравенства. Не выполняет массовая культура и функции социальной адаптации индивида изменяющимся условиям жизни, так как создает неоправданно высокий уровень социальных притязаний, не подкрепляемый соответствующим ростом культуры производства, культуры труда» [3, с. 14].

По нашему мнению, высокий уровень социальных притязаний, создаваемый на базе образцов потребления, норм поведения, ценностных ориентаций массовой культуры западных потребительских обществ, дезориентируют и дезорганизуют молодых людей, не имеющих жизненного опыта и трудовых практик. Массовая культура не выполняет той регулирующей роли, которую она реализует в других социокультурных условиях, потому что массовая культура западных обществ, механически переносимая в российское общество, явилась порождением «среднего класса» и его потребностей, а нынешняя Россия в значительной мере унаследовала образцы, ценности потребности коллективистки настроенных бедных слоев. К слову сказать, Россия, несмотря на свое богатство природными ресурсами, была в советский период и есть в настоящее время бедная страна по уровню жизни населения, которое бедно своей производительной способностью, реализация и развитие которой сегодня связывается с современными производственными мощностями на основе передовых технологий в интересах большинства

общества, а не с извлечением только лишь природной ренты в интересах узкого олигархического слоя. В современной России на заработную плату приходится 10–20% производственных затрат, в то время как в Западной Европе этот показатель составляет 50% и более производственных затрат, а средний годовой доход на душу населения в России составляет ныне немногим более 2 тыс. долл. в год при среднем мировом доходе 5,5 тыс. долл., и поэтому по решающему показателю Россия находится на 99-м месте в мире. На основании этих и других данных М.Н. Руткевич делает вывод, что население богатейшей по своим природным ресурсам страны в своем большинстве пребывает в состоянии бедности, но в то же время ему «представляется неприемлемым часто повторяемый тезис: “мы – бедная страна”. Правильнее говорить о *растущем разрыве между бедностью большинства и богатством меньшинства населения России*» [4, с. 194, 207, 227]. Данное мнение подтверждается показателем так называемого децильного коэффициента, отражающего соотношение доходов на душу населения между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных слоев населения, который в современной России превышает 14, а независимые экономисты оценивают его в 25 [4, с. 6].

Следует отметить, что потребительское общество и массовая культура в нынешнем состоянии России не ориентируют молодежь на производительный труд, основанный на применении новейших достижений фундаментального естествознания, прикладных технических наук в промышленности высоких технологий. Скорее у молодежи возникает в большей степени «депривационный эффект» от демонстрации образцов культуры, ориентирующих не на производственную, а на потребительскую деятельность. Конечно, депривация может быть фактором развития личности, социальных групп и общественных систем в качестве субъективного проявления чувства недовольства к своему социальному положению, которое способствует объективно выраженной деятельности к изменению данного состояния как стремления достигнуть другого, более приемлемого уровня существования [5, с. 82].

Но социокультурное воспроизводство в процессе трансформаций и перехода от индустриального общества и модерна к постиндустриальному и постмодернистскому состоянию, когда разрушение прежнего производства приводит к отрицательным последствиям. Происходит «индивидуализация без производства индивидуальности, личности, формирования эгоистического индивида» [6, с. 18]. Однако сегодня продолжает действовать в социокультурном воспроизводстве регулятивно-ценностной стереотип профессии и профессионализма. «Зная профессию собеседника, – пишет У. Бек, – мы думаем, что знаем его (ее). Профессия служит обоюдным идентификационным шаблоном, посредством которого мы оцениваем людей, ею “обладающих”, в их личных потребностях, способностях, экономическом и социальном статусе. А ведь на самом деле странно ставить знак равенства между человеком и профессией, которую он имеет.

В обществе, где жизнь нанизывается на нить профессии, эта последняя действительно содержит определенную ключевую информацию – доход, статус, языковые способности, возможные интересы, социальные контакты и т.д.» [1, с. 203].

Сегодняшнее общество, как отмечает У. Бек, является «насквозь» обществом наемного труда, и если данная система претерпевает изменения, то, конечно же, совместно с ним происходят общественные изменения, которые, в свою очередь, влияют на профессиональную структуру, ее качество и способы профессиональной адаптации и идентификации, и «в целом, судя по тенденции, тюрализация жизненных форм распространяется и на сферу производства: возникает *плюрализация рабочих миров и форм труда*, в которых соперничают “консервативные” и “социалистические”, “сельские” и “городские” варианты» [1, с. 330].

В то же время труд и связанные с ним профессионально-ценностные ориентации являются условиями и регуляторами социокультурного воспроизводства, важнейшими регуляторами в жизнедеятельности людей. Труд рассматривается не только как «процесс... в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [7, с. 188] но и «как способ самоутверждения и самореализации, способ утверждения своей профессиональной и индивидуальной идентичности» [8, с. 13]. Но труд как процесс реализуется конкретными людьми на основе их знаний, умений, способностей, что охватывается понятием профессиональной компетентности, в определенной сфере производственной деятельности, которая связана с выполнением того или иного вида работы. Понятие «работа» в ценностном сознании отдельного человека играет огромную регулятивную роль. Наши умения, наши знания, стремления, основное социальное время нашего бытия на этой земле мы связываем с работой. Недаром, почти все коллизии, которые происходят с людьми, связываются с изменениями в работе: повышение квалификации, получение новой должности, рост зарплаты, продвижение по службе и так далее, и тому подобное. Особенно остро в связи с этим психологически переживаются неожиданные изменения, связанные с ра-

ботой: увольнения, придирки начальства, неоцененные усилия и вклад в общее дело. Многие проблемы совершенно обостряются у человека в связи с уходом на пенсию: наступает кризис идентичности.

Но в обществе риска эти, казалось бы, вполне предсказуемые события, носят характер социальной неопределенности, которая подстерегает и настигает человека повсюду, на всех точках пространственно-временного континуума. Сама трудовая деятельность как определенная работа профессионала становится зоной постоянного риска. И «никакая работа не может быть гарантирована, ничье положение не является прочным, никакая специальность не имеет устойчивой ценности; опыт и знания превращаются в обязательства так же легко, как они стали активом, а соблазнительные карьеры слишком часто становятся тропой к самоубийству» [2, с. 107].

Социальная неопределенность общества риска сказывается на ценностных ориентациях молодежи в сфере профессионально-трудовых отношений. Так, проведенное эмпирическое исследование ценностного содержания воспроизводственной деятельности молодежи в Краснодарском крае в мае-октябре 2006 года свидетельствует о противоречивом отношении к труду молодых людей: с одной стороны труд переместился на периферию ценностного сознания, ибо респонденты ни разу не включили его в перечень наиболее значимых ценностей, а с другой – 79,3% заявили, что только содержательная и интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни, и 20,7% считают, что сколько угодно можно заниматься любой работой, лишь бы она давала хороший заработок [9, с. 85].

Подобные ценностные ориентации характеризуют сознание молодежи как противоречивое, разнонаправленное, так как в нем сосуществуют различные ценностные установки по отношению к труду. Среди ценностей, связанных с трудом, превалируют ценности-средства, то есть труд выступает, прежде всего, в качестве инструментального средства достижения других более значимых ценностей в сфере потребления. Большинство, из 512 опрошенных, боятся потерять работу, оказаться на неизвестное время безработными, поэтому молодые люди вынуждены ценить любую работу. «Причем, молодежь равнодушно или нейтрально отнеслась к моделированной ситуации, когда условия труда плохие, нарушается техника безопасности, что чревато потерей здоровья или его ухудшением; немногие из молодых респондентов осознают необходимость бороться за свои права коллективно или готовы к протесту вплоть до забастовки. Подобное отношение свидетельствует о слабо развитой общественной позиции, а ее носители с большой долей натяжки могут стать активными субъектами гражданского общества» [9, с. 85–86].

Данная тенденция характерна не только для современной российской молодежи. Пассивное восприятие своего нынешнего положения стало главной чертой основных акторов воспроизводственных процессов индивидуализированного общества. В этом отношении «труд, – как пишет З. Бауман, – стал “гибким”, а на повседневном языке это означает, что работодателю легче стало увольнять работников в любой момент и без компенсации, солидарные же – и потому эффективные – действия профсоюзов по защите несправедливо уволенных выглядят как несбыточная мечта... “Гибкость” означает, что старая жизненная стратегия, в русле которой силы и время вкладывались в повышение квалификации, в достижение статуса специалиста, позволяющего надеяться на постоянное получение с этого процентов, становится все более бессмысленной, и таким образом, теперь исчез самый распространенный в свое время вариант разумного выбора людей, желающих в жизни постоянства» [2, с. 150].

Как известно, постоянство наступает в жизни отдельного человека лишь тогда, когда он, сообразываясь с внешним влиянием социальной действительности, самоорганизовывает, строит свою жизнедеятельность в соответствии с сознательно выбираемыми стратегиями, в основе которых лежат определенные ценностные предпочтения и ценностные ориентации. Среди них важное место занимают профессионально-ценностные ориентации, связанные с трудовой деятельностью как работой в той или иной сфере занятости, определяющей участие в социокультурном воспроизводстве. В индивидуализирующемся обществе риска социальная неопределенность делает бессмысленным постановку и реализацию целей жизнедеятельности на длительный период времени. Меняются условия социокультурного воспроизводства населения, профессий, стратегий, ценностей. Изменяются жизненные стратегии, ценности, нормы и правила трудовой деятельности, как и сам труд, становятся эксклюзивными. Они теряют свой всеобщий социально-регулирующий характер, возрастает их корпоративность, эксклюзивность, что способствует изменению социального порядка воспроизводственной деятельности молодежи. Теперь «всеобщая неопределенность с нижних до верхних ступеней социальной лестницы оказывается скромной и дешевой, но весьма эффективной заменой нормативного регулирования, цензуры и надзора» [2, с. 150].

Индивидуализированное общество риска и социальной неопределенности индивидуализирует и делает неопределенными, социально-незначительными ответные действия основных своих акторов по изменению ситуации, своего социально-экономического положения. Профсоюзные формы объединения в борьбе за коренные интересы, например, рабочего класса не отличаются, за исключением отдельных случаев, грамотностью в смысле использования классовой солидарности и коллективных действий в рамках действующей законности. Рабочие России как акторы процесса трансформацией не используют никак благоприятную для них сегодня конъюнктуру, связанную с дефицитом рабочих кадров в промышленных центрах страны, и предпринимают лишь индивидуальные шаги по улучшению своего положения, прежде всего путем обращения к непосредственному руководителю или перехода на другое предприятие. Приходится констатировать, что основной формой рабочего движения становится перемещение рабочих с одного предприятия на другое, а рабочие в этом случае выступают активными субъектами действий не по изменению социально-экономической ситуации, но в русле приспособления к ней [10, с. 33].

Индивидуализация общества риска делает непредсказуемыми действия основных акторов социокультурного воспроизводства, делает неуверенными, испытывающими страх за свое будущее, людей. На свой страх и риск люди должны выбирать и реализовывать свои жизненные стратегии, не надеясь на помощь общества и государства. Но такая «удаленность» государственных структур и общественных организаций создает дополнительные угрозы и риски социокультурного воспроизводства в целом. Например, ослабление внимания и процессу воспроизводства профессиональных кадров в той или иной сфере грозит обернуться громадными проблемами как для отдельных отраслей производства, так и для всего общества в целом. Если «общество уже не гарантирует и даже не обещает коллективных средств избавления от индивидуальных неудач», то «людям предлагается (скорее, даже навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность. А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента» [2, с. 201].

Именно отстраненность от культивирования ценностей профессионально-трудовой направленности среди молодежи в масштабах регионов и всей страны может привести к низкому престижу рабочих профессий и созданию рисков в кадровом обеспечении социокультурного воспроизводства. Так произошло в ходе социальных трансформаций России, когда, соответственно законам синергетики [11, с. 112–129], советский порядок сменился хаосом перестройки, а хаос перестройки, поменялся сегодня на социальный порядок, характеризующийся стабилизацией и оживлением производства, политической стабильностью, в условиях которой перестали быть массовыми задержки в оплате труда, уровень ее существенно повысился при дефиците квалифицированной рабочей силы. В ближайшие годы, по прогнозам специалистов, ожидаются серьезные риски в группе квалифицированных рабочих индустриальных отраслей, и потери за предстоящие 20 лет по естественным причинам составляет 80–90% от сложившейся численности занятых в этой группе [12, с. 58].

С целью изучения проблемы трансформации воспроизводства рабочих в конце 2006 – начале 2007 годов был проведен анкетный опрос 577

рабочих на предприятиях Удмуртской Республики РФ, который показал, что поле окончания учебного заведения чувствовало себя уверенно на рабочем месте менее одной трети рабочих. Мотивация выбора рабочей профессии разнообразна: заработная плата играет определяющую роль при выборе профессии (26,6%), престиж профессии (21%), влияние друзей (18,7%), неудача при поступлении в вуз, техникум (17,7%), признание временного характера работы (16,4%), стремление попробовать силы, развить способности (13,1%), продолжение семейной традиции (6,3%), призвание (5,3%). Наиболее низкий уровень удовлетворенности трудом характеризует работников отрасли машиностроения и металлообработки по таким параметрам, как зарплата, карьерный рост и престижность работы. Постоянные изменения в производстве требуют непрерывного обучения работников, являющегося условием и следствием его модернизации. В то же время среди опрошенных 39,5% ни разу не повышали свою квалификацию, 16,4% делали это более четырех лет назад. Чуть менее половины опрошенных желает остаться на рабочей должности, более половины выбравших эту стратегию приходится на возрастную группу старше 40 лет, то есть на работников со стажем, но и 30% работников в возрасте 21–29 лет предпочитают данную стратегию. Наиболее оптимальная стратегия воспроизводства рабочих связана с выполнением установки «работать по профессии и повышать квалификацию, разряд» [12, с. 58–61].

В упомянутом социологическом исследовании выделяются социальные типы рабочих, для которых ценностная ориентация на продолжение образования в той или иной степени свя-

зана с жизненными и карьерными стратегиями при дополнительном влиянии возраста, стажа работы, квалификации, мотивов к труду. Первый тип – «кадровые рабочие», более половины ее представителей старше 40 лет и имеют стаж работы более 5 лет. Они не планируют расставаться с рабочей профессией и ориентированы на продолжение образования. Второй тип – «перспективные рабочие» – ориентированы на стратегии эффективного воспроизводства, на осуществление «рабочей карьеры», то есть на повышение квалификации и профессионального уровня (почти треть опрошенных), наибольшую группу составляют рабочие в возрасте 30–39 лет, почти четверть – от 20 до 29 лет. Третий тип – «специализирующиеся рабочие» – характеризуется ориентацией на карьерный рост и повышение уровня образования, что связано с уходом молодежи из рабочих профессий и стратегической направленностью на карьеру в этой отрасли, став мастером, инженером, руководителем более высокого уровня. По результатам опроса, подобную стратегию выбирают 12,2% рабочих. И, наконец, последний тип – «временные рабочие» – довольно небольшая по данным опроса (10,8%) группа, имеющая тенденцию к увеличению, 80% ее представителей работают до трех лет, и почти 70% из них в настоящее время получают образование. Стратегическая направленность большей части ее представителей – уход в отрасли непроектной сферы [12, с. 61–65].

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что стратегии воспроизводства молодежи на основе профессионально-ценностных ориентаций в условиях социальной неопределенности и риска современного российского общества все индивидуализируется, что не способствует самореализации молодых людей. Происходит размежевание, поляризация ценностных ориентаций и жизненных стратегий российской молодежи. Стратегии краткосрочного характера, связанные с неопределенностью, рискогенностью, быстротечностью удовлетворения потребительских стремлений получают преимущество в качестве социальных регуляторов жизнедеятельности молодого поколения по сравнению с долгосрочным стратегическим планированием жизни. Важное место в системе стратегического определения воспроизводства занимают процессы самоорганизации и регуляции на уровне институализации.

Ссылки:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М., 2000.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М., 2002.
3. Захаров А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // Вопросы философии. 2003. № 9.
4. Руткевич М.Н. Социальная структура. М. 2004.
5. См.: Современная западная социология: Словарь. М.; 1990.
6. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23.
8. Силичев Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну // Вопросы философии. 2005. № 7.
9. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. № 2.
10. Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформации // Социологические исследования. 2008. № 3.
11. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4.
12. Макарова М.Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // Социологические исследования. 2007. № 8.

References (transliterated):

1. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / transl. from German. M., 2000.
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / transl. from English. M., 2002.
3. Zakharov A.V. Massovoe obshchestvo i kul'tura v Rossii: sotsial'no-tipologicheskii analiz // Voprosy filosofii. 2003. № 9.
4. Rutkevich M.N. Sotsial'naya struktura. M. 2004.
5. Sm.: Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: Slovar'. M.; 1990.
6. Fedotova V.G. Khoroshee obshchestvo. M., 2005.
7. Marks K., Engel's F. Sochineniya. Vol. 23.
8. Silichev D.A. Sotsial'nie posledstviya perekhoda ot industrializma i moderna k postindustrializmu i postmodernu // Voprosy filosofii. 2005. № 7.
9. Petrov A.V. Tsennostnie predpochteniya molodezhi: diagnostika i tendentsii izmeneniy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 2.
10. Maksimov B.I. Rabochie kak aktory protsessa transformatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 3.
11. Branskiy V.P. Teoreticheskie osnovaniya sotsial'noy sinergetiki // Voprosy filosofii. 2000. № 4.
12. Makarova M.N. Strategii vosproizvodstva rabochikh kak otrazhenie ikh trudovykh i obrazovatel'nykh orientatsiy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2007. № 8.